

УДК 821.161.1–193.2

ЖАНР ЭПИГРАММЫ В ТВОРЧЕСТВЕ В.А. ЖУКОВСКОГО

© 2017 г.

Е.П. Литинская

Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск

litgenia@yandex.ru

Поступила в редакцию 19.02.2016

Рассматривается «вечный» жанр античной и европейской литературы – эпиграмма. Цель исследования – выявление античных интенций в эпиграмматическом творчестве В.А. Жуковского, имеющем по преимуществу переводной характер. Особое внимание уделяется переводам, источником которых являются латинские тексты. В результате сравнительно-сопоставительного анализа автор статьи приходит к следующим выводам. Композиционно эпиграммы Жуковского делятся на две части: факт и вывод, что соответствует античной традиции. Тексты, оформленные как монолог или диалог, напоминают бытовые сценки, отличающиеся предметным разнообразием. Жуковский высмеивает различные пороки, придерживаясь античной тематики.

Ключевые слова: жанр эпиграммы, античная традиция, Жуковский, переводоведение.

Классическая традиция и ее формирующая роль в истории европейского искусства В.А. Жуковскому были прекрасно известны и из произведений античных авторов (представительную подборку которых находим в его библиотеке), и из теоретико-литературных и эстетических трактатов западноевропейских философов, писателей, поэтов XVIII – начала XIX века, по которым он составлял специальные конспекты и экстракты. В начале творческого пути Жуковского еще сохранилась классицистическая система лирических жанров наряду с новыми, связанными с течениями сентиментализма и предромантизма.

В таких характерных для античности жанрах, как оды, гимны, элегии, послания, эпиграммы, идиллии, басни, развивалась в основном ранняя лирика Жуковского за немногими исключениями, среди которых, однако, и прославленные переводы сентименталистской элегии Грея и романтической баллады Бюргера. Ранее нами уже были рассмотрены классические истоки в посланиях и элегиях русского поэта [1, 2]. Предметом же настоящего исследования станут античные интенции в эпиграммах В.А. Жуковского.

1. Обратимся к истории вопроса. Эпиграмма (греч. ἐπίγραμμα – буквально «надпись») – архаичный жанр с тысячелетней традицией. Первоначально эпиграммой называлась любая надпись, прозаическая или стихотворная, на памятнике или предмете божественного культа. Большинство древних эпиграмм были анонимными, повествование велось от лица предмета, на котором надпись была начертана. Эпиграмма как литературный жанр сформировалась позднее и стала

представлять «законченные по форме и крайне лаконичные по содержанию краткие стихотворения» [3, с. 3].

Типичный размер античной эпиграммы – элегический дистих, представлявший собой сочетание гекзаметра и пентаметра, реже поэты пользовались гекзаметром и ямбом. Двусоставность элегического дистиха подчеркивает композицию эпиграммы: эпически плавный гекзаметр констатирует факт, имеющий слом пентаметр содержит вывод. Стихотворная форма эпиграммы сближает последнюю с элегией, основным размером которой был также элегический дистих. «Освоив элегический размер, – пишет Т.Г. Мальчукова, – греческая надпись сразу поставила себя в сферу влияния элегической поэзии, тематический диапазон которой необычайно широк – от политической программы, патриотического призыва, философской сентенции до любовного признания» [4, с. 127].

В классической Греции ярким представителем эпиграмматического жанра был Симонид Кеосский. Его эпиграммы-эпитафии ориентированы на окружающую действительность, они личностные и «поражают прежде всего краткостью, почти сухостью, и мастерством, с которым он вмещает в тесный стих не приспособленные к тому имена и факты» [5, с. 300]. Со временем происходит расширение тематики эпиграмм: «появляются своего рода краткие рецензии на произведения писателей, живописцев, скульпторов, используются мифологические темы, даются характеристики поэтов, философов» [6, с. 11].

Поистине жанр расцветает в эллинистическую эпоху. Эпиграмма «стала средством все-

сторонней характеристики лиц, ситуаций, литературных образов, жизненных и бытовых явлений, произведений искусства – скульптуры, живописи, архитектуры; никакая другая литературная форма не дает столь всестороннего и исчерпывающего, живого и выпуклого представления о жизни и людях того времени» [7, с. 21]. Так, эпиграммы Каллимаха отличает стилистически ясный язык, субъективная роль рассказчика и разработка любовных мотивов.

Алкею из Мессены принадлежат эпиграммы на военную тему. Именно в его творчестве «эпиграмма впервые приобрела значение персональной инвективы, которая прочно соединяется с этим жанром в римской, а затем и в новой литературе» [8, с. 106].

Мелеагр Гадарский создает антологию эпиграмм греческих поэтов под названием «Венок», в которую вошли и его собственные произведения. Позднее собрание Мелеагра было существенно дополнено Константином Кефалой и стало именоваться «Палатинской Антологией». В ней преобладают любовные, посвятельные, надгробные (собственно эпитафии), описательные, наставительные, и в меньшей степени застольные и сатирические эпиграммы. М.Л. Гаспаров отметил, что создание эпиграмм «было домашнее развлечение, вроде альбомных стихов, – каждый образованный человек при некотором старании мог написать эпиграмму не ниже среднего уровня Палатинской Антологии» [5, с. 298].

В латинской литературе мастером эпиграммы, в первую очередь сатирической, был Марциал. Именно благодаря его творчеству и сложилось «представление об эпиграмме как об остроумном и едком стихотворении на случай (ad hoc)» [6, с. 8]. Темой его поэтических миниатюр может стать любое происшествие, известная сплетня или даже анекдот. Он «славится поразительным умением подметить одну единственную черту в облике или в поведении своего персонажа, чтобы выделив и гиперболизируя ее, создать законный тип объекта осмеяния» [3, с. 91]. Это и «всезнайка и тайный соглядатай, болтун и назойливый любитель поцелуев, льстец и собиратель редкостей, искатель наследств и старый щеголь» [3, с. 91], скряга, взяточник и т. д. Эпиграмматическое наследие римского поэта стало эталонным для новой европейской поэзии.

XVIII век – время расцвета жанра в Европе в творчестве Вольтера, Ж.-Б. Руссо, Г.Э. Лессинга, которые понимали эпиграмму исключительно как сатирическую миниатюру (от двух до восьми стихов), направленную против какого-нибудь лица или явления. Динамичное развитие

темы непременно завершается непредсказуемой развязкой, остротой, пуантом. «Будучи своеобразной словесной карикатурой, эпиграмма часто подчеркивает, заостряет те или иные черты разоблачаемого лица или явления» [9, с. 3].

В России эпиграмма существует с конца XVII века в творчестве Симеона Полоцкого. Позднее к этому жанру обращаются В.К. Тредиаковский, А.П. Сумароков, Н.М. Карамзин. Но лишь в XIX веке благодаря обширной переводческой деятельности русских поэтов эпиграмма достигает необычайных вершин и реализуется двумя разновидностями, восходящими к античным образцам: онтологическая – к греческим и сатирическая – к латинским. Особая роль в процессе становления жанра эпиграммы нами отводится В. А. Жуковскому.

Жанр эпиграммы Жуковский начинает осваивать в теоретическом и историко-культурном аспекте. Он сопровождает многочисленными пометами и записями на полях чтение трактата Ш. Баттё «Принципы литературы». Его внимание привлекает и раздел «Рассуждение VII. О эпиграмме», также содержащий карандашные пометы [10, с. 103]. В план самообразования поэта входило изучение основных понятий эстетики и отдельных жанров литературы, в том числе и рассматриваемого жанра по сочинению Ж.Ф. Мармонтеля «Элементы литературы» [11, с. 37], которое было в библиотеке поэта.

Эпиграмматическое наследие Жуковского немногочисленно – не более 30 стихотворений, большинство из которых написано в ранний период его творчества и ограничивается одним десятилетием: 1805–1814 гг.

Материалом нашего исследования стали 18 эпиграмм, датированных 1806 годом, но изданных в разное время, которые автором или последующими переписчиками его стихотворных текстов были включены в одноименный раздел, 6 комических эпитафий 1814 года, пародирующих жанр эпиграммы, а также 6 юмористических миниатюр, созданных в период с 1805 по 1814 гг.

Большинство стихотворений имеет переводной характер. Жуковский обращается к текстам Д' Асейи, Ж.О. де Гомбо, Марциала, Ж.-Б. Руссо, Ж. Дюлорана, Баратона, Авсония, Б. де Ла Моннуа, Ф. Моржье, Г.-К. Пфедфеля, Ж.Ф. Гишара, П. Вийе. Семь эпиграмм считаются оригинальными. Тексты, оформленные как монолог или диалог, напоминают бытовые сценки, отличающиеся предметным разнообразием. Жуковский высмеивает бездарность и честолюбие поэта, назойливость, взяточничество правосудия, скупость, воровство, невежество, пьянство и т. д., придерживаясь античной тематики.

Композиционно эпиграммы Жуковского делятся на две части: факт и вывод, что соответ-

ствуется античной традиции. Эпиграммы различны по своему объему: от двух, четырех до шести, восьми, десяти и даже шестнадцати строк. Так, «Для Клима все как дважды два!», «Румян французских штукатура» и «Что такое закон?» являются примерами развернутых эпиграмм. Жуковский достаточно вольно обращается с объемом оригинальных стихотворений: стремясь приблизить текст к античным лаконичным образцам, сокращает его («Пускай бы за грехи доход наш убавлялся», «Ты драму, Фефил, написал?», «Скажи, чтоб там потише были!», «Барма, нашед Фому чуть жива, на отход»), в единственном случае увеличивает («Румян французских штукатура»). Переменное количество стихов, видимо, указывает на становление рассматриваемого жанра, его дифференциацию с басней и сатирой.

Основным размером эпиграмм русского поэта становится ямб с различными вариациями. Шестишопный ямб подлинника, традиционный размер западноевропейской эпиграммы, часто заменяется четырехшопным и вольным ямбом. Любопытно, что в эпиграмме *Сей камень над моей возлюбленной женой! / Ей там, мне здесь покой!* сочетание шестишопного ямба с трехшопным визуально отражает классическую форму эпиграммы – элегический дистих. Жуковский активно использует перекрестный способ рифмовки, позволяющий создать пластичное повествование. Оригинальность рифмы в рассматриваемых текстах состоит в ее «парадоксальности»: *печаль – гоститаль, Фемида – обида, написал – до смеха просвистал* и др. [12, с. 494].

При работе с иноязычными текстами переводчик осуществляет ряд необходимых трансформаций. Эпиграмма – жанр, откликающийся на актуальные события, должна содержать ряд примет современного времени и места. Этим объясняется некоторая русификация стиха. Жуковский активно использует разговорные формы, простонародные имена (Фефил, Трим, Клима и др.), предпринимает лексические замены, («У нас в провинции нарядней нет Любви!»). Трансформируя оригинальный текст, поэт идет по пути генерализации («Пускай бы за грехи доход наш убавлялся!»), смягчает остроту («С повязкой на глазах за шалости Фемида») или же, наоборот, усиливает контраст, создающий комический эффект («Для Клима все как дважды два!»).

Особый интерес представляют две эпиграммы, восходящие к античным образцам. Обратимся к первому тексту:

*О непостижное злоречие уму!
Поверю ли тому,
Чтобы, Морковкина, ты волосы чернила?
Я знаю сам, что ты их черные купила.*

[12, с. 108]

Источником перевода могла стать эпиграмма римского поэта Марциала, текст которой приводим ниже: *Jurat capillos esse, quos emit, suos / Fabulla: numquid, Paulle, perjerat? nego* [13, с. 432]. Для сопоставительного анализа приведем подстрочник: *Фабулла утверждает, что волосы, которые она купила, есть ее, неужели, Павл, врет? Я отрицаю.* Жуковский прекрасно знал не только западноевропейские языки, но изучал и древние языки. В частности, латинский язык преподавался в Московском благородном пансионе, где учился в юности поэт. Позднее он продолжал изучать латынь самостоятельно. Вероятно, что Жуковский воспользовался и переводом-посредником, а именно немецким текстом поэта, критика Г. Э. Лессинга *Auf die Galathee* [14, с. 714–715]. Текст эпиграммы близок латинскому оригиналу, но русифицирован благодаря фамилии Морковкина, усиливающей комическую интонацию.

Рассмотрим вторую эпиграмму, восходящую к античному источнику:

*Дидона! Как тобой рука судьбы играла!
Каких любовников тебе она дала!
Один скончался – ты бежала;
Другой бежал – ты умерла!* [12, с. 111]

Перед нами перевод эпиграммы римского ритора и поэта Авсония: *Infelix Dido! Nulli bene nupta marito! / Hoc pereunte fugis; hoc fugiente peris!* [15, с. 161]. В подстрочном переводе эпиграмма выглядит так: *Несчастливая Дидона! Никакому жениху нехороша супруга! Когда один погиб – ты бежала, когда другой бежал – ты умерла!* В западноевропейской поэзии латинский текст известен в интерпретации французского поэта Ф. Шарпентье как «Эпитафия Дидоне». Перевод является близким оригиналу благодаря точно переданному пуанту.

Эпиграммы и комические эпитафии Жуковского, проникнутые тонким юмором, лишены сухого дидактизма, грубости, являются собой изумительные примеры в своем жанре. Ориентация поэта при создании юмористических миниатюр на классическую традицию очевидна: он обращается к оригинальным латинским текстам, воспроизводит композиционную структуру, использует традиционную тематику римской сатирической эпиграммы. Смеем оспорить мнение В. Васильева, упрекавшего Жуковского в стремлении «придать эпиграмме исключительно салонный характер, иначе говоря, свести ее к тем “трудным пустякам”, которые осудил еще Феофан Прокопович» [16, с. 16]. Проанализированные стихотворения органично вписываются в контекст его юмористического творчества: шутивная поэзия, басни и т.п. Р.В. Иезуитова отмечает, что юмор был неотъемлемой

составляющей творчества и жизни Жуковского. Его юмористическая поэзия ощутила на себе влияние народной смеховой культуры и литературных традиций настоящего и прошлого [17, с. 22–47] и заложила основы юмористической традиции «арзамасского общества».

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Античные жанры в развитии русской литературы XIII – XIX вв.» (проект № 13-04-00250а).

Список литературы

- Литинская Е.П. Жанр элегии в лирике В.А. Жуковского // Античные жанры в развитии русской литературы XVIII – XIX вв.: Сб. ст. Петрозаводск, 2014. Ч. I. С. 104–119.
- Литинская Е.П. Жанр послания в лирике В.А. Жуковского // Античные жанры в развитии русской литературы XVIII–XIX вв.: Сб. ст. Петрозаводск, 2014. Ч. II. С. 141–155.
- Чистякова Н.А. Античная эпиграмма. М.: Изд-во МГУ, 1979. 119 с.
- Мальчукова Т.Г. Филология как наука и творчество. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1995. 334 с.
- Гаспаров М.Л. Избранные труды: В 3 т. М.: Языки рус. культуры, 1997. Т. I. 664 с.
- Петровский Ф. Греческая эпиграмма // Греческая эпиграмма: Сб. ст. М., 1960. С. 3–20.
- Грбарь-Пассек М.Е. Александрийская греческая литература // Александрийская поэзия: Сб. ст. М., 1972. С. 3–21.
- Ярхо В.Н., Полонская К.П. Античная лирика. М.: Высшая школа, 1967. 212 с.
- Русская эпиграмма (XVIII–XIX вв.) / Предисл., подгот. текста и примеч. В.Л. Мануйлова. М.: Сов. писатель, 1958. 416 с.
- Лебедева О.Б. «Принципы литературы» Шарля Баттё в чтении и осмыслении В.А. Жуковского // Библиотека В.А. Жуковского в Томске: Сб. ст. Томск, 1984. Ч. 2. С. 97–120.
- Разумова Н.Е. В.А. Жуковский – читатель «Элементов литературы» Мармонтеля // Библиотека В.А. Жуковского в Томске: Сб. ст. Томск, 1984. Ч. 2. С. 35–74.
- Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. М.: Языки русской культуры, 1999. Т. 1. 760 с.
- Martialis M.V. Epigrammata. V. I. Londini: A. J. Valpy, 1823. 566 p.
- Русская эпиграмма второй половины XII – начала XX вв. Л.: Сов. писатель, 1975. 966 с.
- Ovidii P.N. Opera ex recensione Heinsio-Burmannaiana. Parisiis: Colligebat Nicolaus Eligius Lemaire, 1820–1824.
- Васильев В. Беглый взгляд на эпиграмму // Русская эпиграмма: Сб. ст. М., 2000. С. 3–26.
- Иезуитова Р.В. Шутливые жанры в поэзии Жуковского и Пушкина 1810-х годов // Пушкин. Исследования и материалы: Сб. ст. Л., 1982. Т. X. С. 22–47.

THE GENRE OF EPIGRAM IN THE WORKS OF V.A. ZHUKOVSKY

E.P. Litinskaya

In this article, we examine the epigram, an «eternal» genre of Ancient and European literature. The aim of the study was to identify the antiquity-related intentions in V.A. Zhukovsky's epigrammatic works, mostly in his translations. Particular attention is paid to translations, which use Latin texts as their source. As a result of comparative analysis, the author comes to the following conclusions. In terms of composition, epigrams are divided into two parts (the fact and the conclusion), which corresponds to the ancient tradition. The texts have the form of a monologue or a dialogue and resemble everyday scenes focusing on a variety of subjects. Zhukovsky adheres to ancient themes to ridicule various vices.

Keywords: epigram genre, ancient tradition, Zhukovsky, translation studies.

References

- Litinskaya E.P. Zhanr ehlegii v lirike V.A. Zhukovskogo // Antichnye zhanry v razvitii russkoj literatury XVIII – XIX vv.: Sb. st. Petrozavodsk, 2014. Ch. I. S. 104–119.
- Litinskaya E.P. Zhanr poslaniya v lirike V.A. Zhukovskogo // Antichnye zhanry v razvitii russkoj literatury XVIII–XIX vv.: Sb. st. Petrozavodsk, 2014. Ch. II. S. 141–155.
- Chistyakova N.A. Antichnaya ehpiogramma. M.: Izd-vo MGU, 1979. 119 s.
- Mal'chukova T.G. Filologiya kak nauka i tvorchestvo. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU, 1995. 334 s.
- Gasparov M.L. Izbrannye trudy: V 3 t. M.: Yazyki rus. kul'tury, 1997. T. I. 664 s.
- Petrovskij F. Grecheskaya ehpiogramma // Grecheskaya ehpiogramma: Sb. st. M., 1960. S. 3–20.
- Grabar'-Passek M.E. Aleksandrijskaya grecheskaya literatura // Aleksandrijskaya poehziya: Sb. st. M., 1972. S. 3–21.
- Yarho V.N., Polonskaya K.P. Antichnaya lirika. M.: Vysshaya shkola, 1967. 212 s.
- Russkaya ehpiogramma (XVIII–XIX vv.) / Predisl., podgot. teksta i primech. V.L. Manujlova. M.: Sov. pisatel', 1958. 416 s.
- Lebedeva O.B. «Principy literatury» Sharlya Bat'tyo v chtenii i osmyslenii V.A. Zhukovskogo // Biblioteka V.A. Zhukovskogo v Tomske: Sb. st. Tomsk, 1984. Ch. 2. S. 97–120.
- Razumova N.E. V.A. Zhukovskij – chitateľ «Ehlementov literatury» Marmontelya // Biblioteka V.A. Zhukovskogo v Tomske: Sb. st. Tomsk, 1984. Ch. 2. S. 35–74.
- Zhukovskij V.A. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 20 t. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1999. T. 1. 760 s.

13. Martialis M.V. Epigrammata. V. I. Londini: A.J. Valpy, 1823. 566 r.
14. Russkaya ehpiogramma vtoroj poloviny XII – nachala XX vv. L.: Sov. pisatel', 1975. 966 s.
15. Ovidii P.N. Opera ex recensione Heinsio-Burmanna. Parisiis: Colligebat Nicolaus Eligius Maire, 1820–1824.
16. Vasil'ev V. Beglyj vzglyad na ehpiogrammu // Russkaya ehpiogramma: Sb. st. M., 2000. S. 3–26.
17. Iezuitova R.V. Shutlivye zhanry v poehzii Zhukovskogo i Pushkina 1810-h godov // Pushkin. Issledovaniya i materialy: Sb. st. L., 1982. T. X. S. 22–47.